

УДК 82-13 398.2

Н.С. Братчикова

К появлению национальной эпической поэмы на вепсском языке в современном финно-угорском культурном сообществе

Аннотация. В статье рассматриваются условия появления широкомасштабных эпических произведений в национальных литературах финно-угорских народов. Автор анализирует социально-политические условия возникновения национальных эпических поэм «Калевала» и «Калевипоэг» в финской и эстонской литературах. В современную эпоху при внешне сходной общественно-политической ситуации – борьба за сохранение национального языка и культуры, попытка национального пробуждения – создаются эрзяно-мокшанский и вепсский литературные памятники «Масторава» и «Вирантанас». Данные произведения можно отнести к полувторским, так как они, базируясь на огромном фольклорном материале, все же отражают видение мира отдельного человека – автора-повествователя – и датируются хронологически разными сюжетными событиями.

Ключевые слова: карело-финский национальный эпос, единый национальный язык, фольклорные произведения, формирование национального самосознания, финно-угорские народы.

N.S. Bratchikova

To emergence national epic poem on Veps language in modern Finno-Ugric cultural society

Abstract. The article discusses the conditions of appearance a large-scale of epic creations in national literatures of Finno-Ugric people. The author analyzes the social and political conditions of appearance national epic poems «Kalevala» and «Kalevipoeg» in the Finnish and Estonian literature. The literature monuments are «Mastorava» and «Virantanas» were created of Erzya Moksha and Vep of literatures. These works are half of author's, as well as on folklore material based and the same vision of the world of the separate person revealed - the author-narrator and the different chronology events are dated.

Keywords: karelo-finnish national epos, unified national language, folklore works, formation of national identity, Finno-Ugric people.

Когда говорят о финно-угорских народах, практически каждый любитель северной культуры тут же вспомнит название карело-финского национального эпоса «Калевала», назовет его персонажей – Вяйнямейнена, Илмаринена, Лемминкяйнена, Йоукохайнена и Куллерво. Образы гордой и беззащитной красавицы Айно, коварной и злой старухи Похьялы запечатлены в знаменитых картинах А. Галлен-Калелы, М. Мечева, а также Т. Юфа. Музыка Г. Синисало отразила настроения и страсти, царящие среди обитателей Калевы.

Кратко напомним историю появления «Калевалы», так как двумя веками позже при весьма сходных внешних обстоятельствах на карельской земле появится эпическое произведение, раскрывающее некоторые черты картины мира вепсского народа.

Мысль о создании единого фольклорно-эпического свода родилась в Финляндии в начале XIX века. В то время национально настроенные образованные люди, сочувствовавшие революционно-освободительным настроениям, царившим в Европе, выступили с идеей создания финской нации как культурно-языковой общности.

Для реализации этой задачи требовалось создать общенациональный литературный язык и национальную культуру. Эти крупные достижения должны были увенчаться получением государственно-политической независимости. Однако, специальная четко разработанная программа развития национального самосознания не была разработана. Ретроспектива общественно-социальных мероприятий, выстроенных в хронологическом порядке, позволяет выявить план действий финских дея-

телей культуры.

Первым этапом реализации этого замысла стало собирание и исследование фольклора, развитие финского языка как средства формирования национального самосознания. В 1817 г. финский исследователь-просветитель Готлунд¹ писал: «... если бы только нашлось желание собрать вместе наши древние народные песни и создать из них стройное целое – будет ли это эпос, драма или нечто другое, мы имели бы нового Гомера, Оссиана или «Песнь о Нибелунгах», и финская нация, через это прославившись, с блеском и достоинством проявила бы свою самобытность» [1, 107].

Готлунд посвятил всю свою жизнь прославлению финского языка и самобытной культуры северного народа. Он не мыслил просвещение народа в отрыве от национального языка. «Разве не странно, что целая страна должна учить чужой язык, чтобы получить доступ к самым необходимым для любого народа знаниям? Кто бы поверил, что во всей Финляндии нет ни одной школы, ни одного лица, ни единого училища, где бы преподавали финский язык или хотя бы занимались им? Что все законы и светские книги у нас издаются только на шведском языке и на нем ведутся все дела – это настолько дико, что сами шведы диву даются и, будучи не в силах поверить, лишь недоуменно улыбаются, слыша такое. Для нас странно, что предки

наши когда-то отправляли богослужение на латыни, сами языка не понимая; наши потомки будут удивляться тому, что сами мы даже в XIX столетии, в век просвещения, прибегаем к чужим языкам в делах родной страны» [1, 119].

Современник и соратник Готлунда по борьбе за лучшую долю финского народа – писатель-бунтарь Я. Ютейни² прямо заявлял: «и мы достойны уважения». Наравне с Готлундом, изучавшим народную культуру и выпускавшим ряд публицистических изданий на финском языке³, Ютейни много сделал для культурного просвещения финского крестьянства. Он написал немало произведений, цель которых была одна – дать народу понять, что он достоин свободы, лучшей участи⁴.

Финское национальное движение набирало обороты, подогреваемое национально-освободительной борьбой во многих странах Европы, в том числе и в России⁵. Растет интерес и уважение к народной культуре, к ее мифологии. Финские мифы увлекательны, полны фантазии древних людей, придумавших рассказы о богах и других обитателях мифологического мира. «В мифологической идеологии» в полной мере отразилось мироощущение жителей европейской периферии, обитателей сурового Севера, где природа «грандиозна, как в первый день творения» (М.И. Стеблин-Каменский), где отсутствует даже по-

¹ К.А. Готлунд (1796 - 1875) – писатель и лектор финского языка в университете Хельсинки, изучал шведско-норвежских «лесных финнов», сохранивших свой язык. Готлунд мечтал, чтобы для шведских и норвежских финнов была учреждена автономия. В дискуссии о путях развития финского литературного языка он был сторонником восточных диалектов, в частности, диалекта провинции Саво. Готлунд активно собирал фольклорные произведения, исследовал народные обычаи. В 1829 – 1831 гг. в Финляндии были изданы две книги первого на финском языке литературного альманаха «Отава», в который вошли стихи Готлунда, народные песни, поэтические переводы писателя, статьи о финском языке, фольклоре и некоторых исторических событиях (https://fi.wikipedia.org/wiki/Carl_Axel_Gottlund).

² Я. Ютейни (1781 – 1855) – один из самых активных финноязычных писателей-просветителей первой половины XIX века (https://fi.wikipedia.org/wiki/Jaakko_Juteini).

³ В 1846 г. Готлунд выпускал газету «Суомалайнен», которая была через год закрыта. Затем он издавал газету “Suomi”, в которой были опубликованы финские переводы произведений русской литературы. К этому времени были переведены на финский язык очерк В. Дали «Чухонцы в Петербурге», повесть В. Одоевского «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия», повесть Н. Кукольника «Эрик Сильвинский, или завоевание Финляндии во времена Петра Первого», отрывки из книги Я. Грога «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео».

⁴ Напомним, что в рассматриваемый период Финляндия уже была присоединена к Российской империи (1809) после более чем шестивекового шведского владычества. Однако в стране продолжал господствовать шведский язык, так и не уступив место финскому.

⁵ Речь идет о восстании 14 декабря 1825 года в Петербурге.

года в привычном понимании: «Погода здесь – не состояние атмосферы, а события, непредсказуемо и по несколько раз на дню меняющие картину земли и неба. Уцелеть ... и дать начало новому народу можно было, только одушевив стихийную жизнь этой земли культурой» [3, 14-15]. Целая плеяда исследователей стала собирать образцы эпической поэзии древнего народа Суоми. Среди собирателей фольклора, народных финских рун назовем имена Шегрена, Арвидссона, Готлунда, Топелиуса-старшего и Леннрота⁶.

Усилиями многих энтузиастов формировалось представление о значении фольклора для развития современной литературы. «Национальное искусство и литература расцветают лишь при том условии, что отечественные по духу и поэтическому складу песни усваиваются новыми поколениями, пленяют их сердце и разум, чтобы отразиться затем в новых творениях. Воздвигая здание, необходимо иметь фундамент, ибо в воздухе оно повиснуть не может. И если мы хотим, чтобы у нас возникла национальная поэзия, то древние наши поэмы, сказания, песни должны овладеть сердцем современного народа, войти в душу народную, которая затем уже будет творить в новых формах, но с подлинной, как прежде, гениальностью и мощностью», писал А.И. Арвидссон в 1821 году [1, 107].

В двадцатые-тридцатые годы XIX столетия в общественно-культурных кругах Финляндии царил тема воспевания патриархальной самобытности. Философ Й.Я. Тенгстрем⁷ считал, что финны должны заботиться о процветании «истинной

культуры», коей являлась патриархальная нравственность. Для успешного развития культуры в стране, стоящей поодаль от бурного развития капитализма, необходимо обратить внимание на фольклор. Многие сторонники этого направления в развитии культуры принимали даже крайнюю точку зрения относительно просвещения народа, видя в обучении причину угасания устно-поэтической традиции. Книжки, ученые слова лишь засоряют язык, лишают народ доверчивости и душевности. Был даже выдвинут тезис: «Не надо учить народ, но надо учиться у народа».

Язык в программе формирования национального самосознания и становления нации имел для финских просветителей центральное значение. По мнению одного из самых ярких представителей феннофильского движения А. Арвидссона⁸, лишь сохраняя родной язык, финны смогут осознавать себя нацией, с потерей языка будет утрачена почва для национальной общности. Язык хранит историческую память народа, в языке отражается духовная жизнь нации, ее «мифологические и религиозные представления, история и судьба; словом, язык есть итог работы столетий, и свое воздействие здесь оказали климат, образ правления, развитие торговли, земледелия, мануфактур, науки и искусства, равно как политические судьбы нации» [1, 137].

Однако, в рассматриваемый период финский язык занимал угнетенное положение. Причиной того являлись социальный и национальный гнет, ущемление экономических и политических интересов народа. Поэт Ютейни писал: «Литературным языком у нас в настоящее время является

⁶ В 1818 г. была издана книга Готлунда «Маленькие руны на радость сыновьям Суоми» (https://fi.wikipedia.org/wiki/Carl_Axel_Gottlund), с 1822 г. начали публиковаться фольклорные выпуски «Древние руны финского народа и другие более поздние песни», записанные Топелиусом-старшим (https://fi.wikipedia.org/wiki/Zacharias_Topelius_vanhempi).

⁷ Й.Я. Тенгстрем (1787 - 1858) познакомил финскую академические круги с трудами Гегеля. Среди слушателей Тенгстрема были Й.В. Снесльман, Й.Л. Рунеберг и З. Топелиус. Дом Тенгстрема стал местом собраний патриотически настроенных финских писателей (http://filosofia.fi/suomalainen_filosofia/galleria/2851).

⁸ А.И. Арвидссон (1791 - 1858) – финский шведскоязычный поэт, писатель, журналист, историк, известен как один из вдохновителей национального финского движения и автор изречения: «Шведами мы не стали, русскими мы не можем стать – так останемся же финнами!» (<http://www.kansallisbiografia.fi/kb/artikkeli/3122/>)

шведский. Поэтому мы⁹ похожи на тех ба-траков, которые работают на чужой ниве. Народу достается лишь скудная доля наших усилий. Язык – священный дар народа, язык – светоч просвещения, который у нас не зажжен» [1, 116]. Финский просветитель был глубоко убежден, что язык подобен «железному обручу, который скрепляет воедино нацию» [1, 105].

Поэты придумали, каким образом можно достигнуть национального пробуждения: героизируя предков, чей сильный характер, мужество и нрав помогали преодолевать все испытания. Древние финны должны стать примером для новых поколений; в национальном прошлом таится сила, объединяющая нацию. В таких условиях появилось на свет единое эпическое произведение об истории финского народа.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что все общественно-политические и культурно-исторические условия обусловили выход на общественную арену скромного труженика, врача из далекой Нюландской провинции Э. Леннрота¹⁰ – Северного Гомера – как его в будущем назовут исследователи¹¹.

Внимательно изучив старинные руны, особенности их языка, человек XIX века придумывает целую поэму об истории народа, его представлениях о сотворении мира, наполняя их эмоциями и идеями актуальной для составителя эпохи. Так родилась «Калевала», первое крупное произведение финской литературы, сразу превратившись в национальный эпос, но только в фигуральном понимании. Народный эпос и эпическую поэму Леннрота нельзя отождествлять. Однако остро осознаваемая обществом потребность создания некоего фундаментального фолианта об истории

народа была реализована: «Калевала» – это первое крупное произведение финской литературы эпохи национального пробуждения XIX века.

Вторым национальным эпосом, составляющим золотой фонд финно-угорской культуры, является эстонский эпос «Калевипоэг», описывающий чудо-деяния сына богатыря Калева. Эти прибалтийско-финские эпосы появились практически друг за другом, вызывая сначала неоднозначную реакцию, споры, сомнения, но потом воспринимаясь как вклад в мировую сокровищницу культуры¹².

Что общего между ними, кроме сходного слова «Калев» в названии? Что способствовало тому, что образованнейшие люди своей эпохи, в прошлом выходцы из простых людей – финский уездный врач Элиас Лённрот и эстонский писатель и врач, немец по происхождению, Фридрих Рейнхольд Крейвальд – составляют героические поэмы?

Пожалуй, первое, что обращает на себя внимание, – это схожая история рождения эпосов: источником обоих послужило устное народное творчество, народные песни и сказания. При этом песни исполнялись простыми людьми, с различными вариантами раскрытия одного и того сюжета, без стремления к внешнему единству. В них главным была творческая свобода рунопевца, гибкость, возможность постоянных творческих изменений и нововведений. Руны создавались для пения, а не для книжного чтения. Они не были зафиксированы в письменном виде.

Леннрот внимательно изучил собранный им в ходе одиннадцати поездок лингвистический материал и решил соединить их в единую лиро-эпическую поэму.

⁹ Под «мы» Ютейни подразумевал финских писателей, которые из-за слабой развитости финского литературного языка были вынуждены работать на шведском.

¹⁰ Э. Леннрот (1802-1884) – финский лингвист, фольклорист, собиратель и составитель карело-финского эпоса «Калевала».

¹¹ <http://www.gov.karelia.ru/Different/Kalevala/gomer.shtml>

¹² Эпосам двух родственных народов повезло в разной степени: «Калевала» – бесспорный авторитет, раскрывший тайны душевного мира древних финнов. «Калевипоэг» – менее знаменит, долгое время неоднозначно воспринимался учеными и лингвистами.

Составитель пользовался методом, отвергнутым русской фольклористикой: он соединял в одном сюжете строки разных песен, включал отрывки из сборников К. Готлунда и С. Топелиуса. В сводах одной поэмы стали действовать персонажи разных рун – Вяйнемейнен, Илмаринен, Лемминкяйнен, Пеллервойнен, Лоухи, Тапио, Миеликки и другие. Для создания увлекательной сюжетной интриги Леннрот придумал завязку: он вводит в поэму образ Айно, сестры Йоукахайнена, и далее побуждает Йоукахайнена мстить старцу Вяйнямейнену не только за то, что проигрывает ему состязание в пении, но и потому что Вяйнямейнен виновен в гибели сестры. Редкие рунопевцы имели представление о том, что такое сампо, да и пели о нем не больше десятка строк. В леннротовской трактовке создается целый образ волшебной мельницы. В древних песнях не было упоминания о стране Калевале. Творческая фантазия составителя, опираясь лишь на одну пастушью песню, где упоминается это место, воссоздает страну, где живут Вяйнямейнен, Лемминкяйнен, Илмаринен.

Леннрот и Крейвальд дописывают и стилизуют в языковом плане отсутствовавшие в силу разных причин песни. Оба свода написаны руническим стихом, который присущ старинным карело-финским и эстонским народным песням.

Движимые огромной целью познакомить читателей с мифологией древнего народа и показать уровень развитости языковых средств, оба составителя национальных эпосов литературно оформили эпос, выстроив руны в сюжетно последовательную цепь. Созданные письменные фолианты успешно объединили две культурные традиции – устнопоэтическую и литературную.

Произведения можно воспринимать как своего рода социально-политический заказ, призванный решить важнейшие общенациональные культурные задачи. Прибалтийско-финские эпические поэмы появились в эпоху национального пробуждения общества, что позволило финнам и эстонцам осознать свое историческое прошлое и консолидироваться в нацию. Получив такой яркий национальный продукт в арсенале культурных ценностей, Европа ясно увидела в лице финского и эстонского народа уже сложившуюся нацию со своим самобытным менталитетом и системой духовных ценностей.

Осознание богатства своей народной поэзии, ощущение особенностей своего мировоззрения позволили финнам и эстонцам не раствориться в других народах, сохраниться духовно. Кроме того, публикация эпоса «Калевала» помогла решить языковую дилемму – среди финских лингвистов шел не одно десятилетие спор о выборе лингвистической основы для литературного языка. После 1835 года, года публикации «Калевалы», дискуссия была закрыта: за основу литературного языка были приняты восточные диалекты, на которых был написан выдающийся поэтический памятник.

Все же определенная искусственность, нарушения народного стиля изложения в этих полуавторских сочинениях присутствуют, что проявляется в большей творческой свободе автора-повествователя, в его целенаправленной установке придерживаться последовательной линии в развитии сюжета. Поступки героев приобретают большую мотивированность, характеры персонажей детализируются, психологически уточняются. Собиратели устного народного творчества Леннрот и Крейвальд воспользовались собственной

¹³ О третьем эпосе в культуре финно-угорских народов стало известно в том числе благодаря исследовательской работе молодого ученого О.П. Ингл, которая внимательно изучает эрзяно-мокшанский литературный памятник «Масторава», написанный доктором филологических наук, профессором А.М. Шароновым. – см. О.П. Ингл «Типология книжных форм эпоса финно-угорских народов «Калевала», «Калевипоэг», «Масторава». Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Саранск, 2015.

эрудицией, знанием устного народного творчества, чтобы воссоздать недостающие руны, попробовать себя в роли рунопевца. Оба составителя эпосов обладали столь же живой фантазией, как и народные, «крестьянские» поэты. Однако наивно вести споры о доли авторства замечательного сподвижника финской культуры Э. Леннрота, не стоит выдавать по сути авторскую эпическую поэму за народный эпос, когда решена самая главная общественно-политическая задача – консолидирована нация. Время расставило всё на свои места: труд Лённрота канонизирован в самом высоком значении этого слова. Как показывает история, так происходит далеко не со всеми произведениями.

Наконец, в 2012 году в Карелии родилась вепсская эпическая поэма «Вирантанас», четвертая в финно-угорской культуре¹³. Ее автором является заведующая сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доктор филологических наук, автор перевода на вепсский язык Евангелия и Письма Нового Завета, Детской Библии, Псалтыри, эпоса «Калевала», рассказов и стихов русских писателей Н.Г. Зайцева.

Прежде чем приступить к анализу данного литературного произведения, кратко охарактеризуем языковую ситуацию, связанную с вепсским языком: язык распространен на территориях Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, вепсским языком владели немногим более трех с половиной тысяч человек. ЮНЕСКО включил его в Атлас исчезающих языков мира как находящийся-

ся под угрозой исчезновения. Основными причинами вымирания языка являются его непрестижный социальный статус и низкий уровень национального самосознания. Общественность и научная интеллигенция финно-угорского сообщества, среди которой – и инициатор сохранения вепсского языка и самобытной культуры Н.Г. Зайцева¹⁴, обеспокоены их дальнейшей судьбой.

Итак, появился новый национальный культурный продукт. Прошло более двух веков с момента публикации двух крупнейших прибалтийско-финских национальных фолиантов, прежде чем возник еще один финно-угорский литературный памятник. Почему такой интервал во времени, почему именно сейчас, когда мир подвержен глобальным качественным изменениям, унифицирующим быт, культуру и даже сознание?

Проанализируем все процессы, связанные с возникновением такого крупного культурного события в жизни любого этноса.

Любопытные исторические совпадения: в тот момент, когда Э. Леннрот стал совершать лингвистические экспедиции в Карелию для записи бытовавших там поэтических рун, среди финского населения не сформировалось чувство национальной идентичности, не созрело национальное сознание. Э. Леннрот страстно хотел собрать воедино разрозненные руны и познакомить с ними финляндское общество. Творческий порыв и энтузиазм Н.Г. Зайцевой вызван примерно теми же причинами, а именно желанием сохранить культуру малочисленного народа в миро-

¹⁴ При активном участии Н.Г. Зайцевой было возобновлено преподавание вепсского языка в местах проживания вепсов. Она является иностранным членом Общества финляндской литературы, Общества Калевалы, Финно-угорского общества

¹⁵ Форум проводится с 1992 года раз в десять лет при поддержке фонда «Юминкеко» (Кухмо, Финляндия) совместно с карельским Обществом вепсской культуры. К началу культурного форума «Год вепсской культуры в 2002 году» был приурочен перевод Н.Г. Зайцевой на вепсский язык карело-финского эпоса «Калевала».

¹⁶ Во время работы над созданием эпической поэмы Н.Г. Зайцева трудилась совместно с преподавателем вепсского языка Петрозаводского государственного университета О. Жуковой над сборником вепсских причитаний «Käte-ške käbedaks kägoihudeks» – «Обернись-ка милой кукушечкой». Сборник издан в 2012 году фондом «Юминкеко» (Финляндия). В сборник включено 83 причитания различного характера (свадебные, похоронные, внеобрядовые или бытовые) из фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Материалы были собраны в разные годы в полевых условиях.

вом культурном пространстве.

Итогом сподвижничества Э. Леннрота стало национальное пробуждение финского народа, укрепление социального статуса финского языка. Результатом многолетних трудов Н.Г. Зайцевой стали учебные пособия и несколько изданий словарей вепсского языка. Плодом усилий, в том числе и этого яркого сподвижника вепсской культуры, являются выпуски новостей на национальном языке на радио и телевидении в Карелии, газета «Кодима», молодежный клуб «Вепские беседы», которым руководит Л. Смолина, выучившая под руководством Н.Г. Зайцевой вепсский язык в Петрозаводском государственном университете.

Социально-политическая ситуация на севере России, современное финно-угорское сообщество находились в преддверии рождения эпического, крупномасштабного произведения, чему способствовал традиционный культурный форум под названием «Год вепсской культуры»¹⁵. Руководитель фонда финский писатель М. Ниеминен считает необходимым издавать какой-либо яркий национальный продукт к началу каждого форума. Он стал автором идеи создания национального эпического произведения на вепсском языке.

Вепсское эпическое произведение «Вирантанас», подобно прибалтийско-финским «Калевале» и «Калевипоэг», а также эрзяно-мокшанскому «Мастораве», рождалось из богатого фольклорного материала, включающего сказания, песни, плачи, заговоры¹⁶. В основу эпической поэмы «Вирантанас» легли также причитания, составляющие неотъемлемую часть духовной культуры вепсов¹⁷. Сюжетные линии произведения были подсказаны поэтессе Н.Г. Зайцевой широким диапазоном фольклорных источников. В этом мы обнаруживаем определенное сходство с истоками

литературного вдохновения Э. Леннрота.

Однако своеобразием в творческой работе Н.Г. Зайцевой стало обращение к научным исследованиям этнографов, в том числе работам В.В. Пименова [4] и И.Ю. Виноградовой [5], в которых описывались мифические сказания, народные обычаи и обряды вепсского народа¹⁸.

«Вирантанас» состоит из четырех легенд, написанных в стихотворной форме и объединенных сквозной легендой о Вире. Период времени, который описывается в поэме, – это XV – XVII века.

Название эпического произведения происходит от двух слов: «Вир» – это традиционное вепсское мужское имя, «таназ» – подворье, земля, обжитая прародителем живущих ныне вепсов Виром и оставленная им своему народу¹⁹.

Прообразом Вира стал охотник Мартьянов, который жил когда-то в Шимозерье, что находится на Вепсской возвышенности к югу от Онежского озера. Охотник Мартьянов (он в эпосе выступает в роли Вира) прославился своими смелостью и отвагой, позволявшими ему в одиночку с ножом ходить на медведя. По преданию, некий московский князь прослышал про бравого охотника и себе на потеху решил с ним познакомиться. Князь едет в вепсский край, где отправляется с Мартьяновым на охоту. При этом выясняется, что охотник, в молодые годы отбывая воинскую повинность, был несправедливо наказан, а князь, по иронии судьбы, оказался причастен к этому. Московский князь все время опасается, что будет в отместку убит Мартьяновым, но последний по природе своей милосерден, не держит зла и не мстит обидчику.

По замыслу Н.Г. Зайцевой, у Вира (Мартьянова) тяжело заболевает мать, отец Вира бросается на поиски лекаря, который находится среди саамских знахарей²⁰.

¹⁷ Причитания сопровождают многие жизненные ситуации вепсов – свадьбы, похороны, бытовые дела.

¹⁸ Многие из них были знакомы вепсянке из поселения Войлахта Вологодской области Н.Г. Зайцевой не понаслышке.

¹⁹ Одна из деревень поселения Войлахта называется Вирино, по-вепски – Вирантанас, так что вепсский край – это не Атлантида, а реально существующее географическое место, лесной край с синими озерами, густыми лесами, населенными мифологическими существами и духами.

К умирающей женщине приходит старый шаман, которого сопровождает маленькая девочка-сирота Айра. Ее родители по радуге ушли на небо. Впоследствии Айра из племени саамов станет женой вепса Вира.

Вепскую культуру представляют, помимо Вира, родственники со стороны матери – сестра Анни и дочь Вира Таля (по-вепски – Талёй, это и сокращение от русского имени Наталья). Князь влюбляется в девушку Талю. Повествование заканчивается свадьбой. Во всех сюжетных линиях прослеживается авторский замысел: дружба вепсов и саамов пронизывает века. Русские и вепсы живут вблизи друг от друга и контактируют по многим житейским ситуациям.

Другим не менее важным персонажем является сама природа, которая имеет душу, глаза и уши. Вепсы, как и все финно-угорские народы, уважают и почитают природу. Они умеют слышать ее, поэтому автор повествования призывает читателя ценить, любить и не обижать природу.

Как и в случае с «Калевалой», одной из центральных фигур произведения является образ автора, который занимает активную позицию в произведении, дает оценку событиям и персонажам, поучает читателя, в том числе, не забывать свою культуру, обращаться к истории, не забывать ее и слышать гармонию слова.

Мы склонны считать представленное произведение эпической поэмой, а не эпосом. В первую очередь по тому, что представленная в ней картина мира – это продукт не столько народного сознания, сколько плод воображения поэтессы Н.Г. Зайцевой, результат индивидуального творчества, как и всякое литературное произведение. Автор на основании имеющихся фольклорных материалов представил мир древних вепсов.

В произведении представлен разный фольклорный материал, который может

быть датирован разными историческими периодами, однако в тексте он изложен в одной временной плоскости, создавая таким образом художественно обобщенную картину древнего вепского мира.

Фигура автора делает произведение эпической поэмой, а не народным эпосом, для которого характерна «безличность» повествования. В древних эпосах нет внешней точки зрения рассказчика, событиям не дается оценка, не выражается никакого отношения к ним. Все повествование предельно нейтрально. В нашем же случае автор играет активную роль, он ведет сказание, подготавливает читателя к определенному повороту событий и активно воздействует на него.

Н.Г. Зайцева выступила не просто как собиратель фольклорных текстов, а как художник-творец, чья эстетическая культура, эстетический диапазон находятся на одном уровне с народным. Лирика поэзии Зайцевой так же задушевна, как и народная лирика.

Будущее у этого произведения есть: при поддержке фонда «Юминкеко», развивающего эпические проекты, поэма Н.Г. Зайцевой «Вирантанас» будет переведена на русский и финский языки²¹.

Пробудит ли эта поэма народное самосознание, спасет ли вепский язык от забвения, поможет ли вепскому народу выйти на активную общественно-политическую арену, покажет время. Мы уверены, что автор эпической поэмы Н.Г. Зайцева и ее коллеги не одиноки в стремлении сохранить национальный язык и вепскую культуру.

Вепская ситуация подтверждает уже сложившийся постулат – появление эпического произведения, которое впоследствии может быть причислено к национальным эпосам, объясняется спецификой исторического времени и творческой личностью их создателя.

²⁰ По данным Н.Г. Зайцевой, вепский народ находился в тесном контакте с саамами на протяжении нескольких столетий.

²¹ Русский вариант, судя по всему, будет принадлежать перу поэта О. Мошникова. М. Ниёминен обещает издать финскую версию вепского эпоса. Театр готов сделать постановку на основе созданного произведения.

Литература

1. Карху Э.Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. 510 с.
2. Скандинавская мифология: энциклопедия. М., Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 592 с.
3. Винокурова И.Ю. «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)». Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб, 2007. 44 с.
4. Винокурова И.Ю. Некоторые итоги изучения вепского народного календаря // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 49-65
5. Винокурова И.Ю. Прибалтийско-финские народы России. М. Наука, 2003. 671 с.

References

1. Karhu Je.G. Istorija literatury Finljandii: ot istokov do konca XIX veka. L.: Nauka, 1979. 510 s.
2. Skandinavskaja mifologija: jenciklopedija. M.: Jeksmo; SPb.: Midgard, 2007. 592 s.
3. Vinokurova I.Ju. «Zhivotnye v tradicionnom mirovozzrenie vepssov (opyt rekonstrukcii)» - avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. SPb, 2007. 44 s.
4. Vinokurova I.Ju. Nekotorye itogi izuchenija vepsskogo narodnogo kalendarja // Jetnokul'turnye processy v Karelii. Petrozavodsk, 1986. S. 49-65.
5. Vinokurova I.Ju. Pribaltijsko-finskie narody Rossii. M.: Nauka, 2003. 671 s.